

АНТРОПОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА

«СГУЩЕНИЯ» ПРОСТРАНСТВА В ПРОЦЕССЕ СОБИРАТЕЛЬСТВА, РЫБОЛОВСТВА И ОХОТЫ: НА ПРИМЕРЕ СЕЛА ЖИГАНСК, РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ)

Николай Сергеевич Гончаров
(Nikola.gon4arov@yandex.ru)

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Гончаров Н.С. (2021) «Сгущения» пространства в процессе собирательства, рыболовства и охоты: на примере села Жиганск, Республика Саха (Якутия). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(2): 181–211.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.7>

Аннотация. На основе полевых материалов, собранных автором в ходе экспедиции в с. Жиганск одноименного района Республики Саха (Якутия) в 2018 г., проанализированы аспекты преобразования пространства, связанные с реализацией хозяйственной деятельности. Село расположено за полярным кругом на левом берегу р. Лена. Охота, рыболовство и собирательство в настоящее время по-прежнему сохраняют важный статус в структуре занятий местного населения, что обусловлено расположением населенного пункта и социально-культурными особенностями его жителей. Будучи важными компонентами в продовольственном и экономическом отношениях, данные хозяйственные практики одновременно выступают особыми способами взаимодействия с пространством. Автор, привлекая материалы по антропологии, этнографии и философии, опираясь на теоретические разработки А. Лефевра и Т. Ингольда, предпринимает попытку концептуализации этнографических наблюдений. Отправной точкой исследования является разделение на «природное» (первичное) и «социальное» (вторичное) пространства. В процессе деятельности происходит «сгущение» и «уплотнение» множества акторов социального пространства, происходящее в природной среде и сопровождаемое формированием единого коммуникативно-деятельностного поля, в котором «интенциональностью» и «мышлением» обладает не только человек, но и вся образовавшаяся связка компонентов деятельности, а разграничение на «природное» и «социальное», переплетаясь, исчезают. Автор предлагает дополнить статичные модели хозяйственно-культурных типов, упускающие темпоральные и некоторые пространственные характеристики. В качестве концептуального решения излагается морфологическое рассмотрение процессов деятельности в виде чередования уплотнений элементов, включая их связи вокруг

временных центров, и последующего рассредоточения образовавшихся плотностей.

Ключевые слова: Якутия, Жиганск, охота, рыболовство, собирательство, пространство, сгущения, деятельность.

В статье рассматриваются повседневные занятия жителей Сибири, такие как охота, рыболовство и собирательство, через призму пространственных изменений. В центре внимания находится население села Жиганск одноименного района Республики Саха (Якутия), где летом 2018 г. я проводил полевые исследования. Основными источниками информации при написании статьи выступали полученные в ходе экспедиции полевые материалы и публикации других авторов. Вопросами формирования, преобразования и освоения пространства Сибири занимались многие исследователи, среди которых В.Г. Богораз (1991), В.И. Иохельсон (2005), Г.М. Василевич (1969), В.А. Туголуков (1969; 1979), В.А. Козьмин (2003), А.А. Сирина (2012), А.В. Головнев (2018), Д. Андерсон (1988), Д. Брандуншаускас (2019), Ш. Степанов (2017) и др. При подготовке статьи наибольшее значение имели идеи, наблюдения и теоретические обобщения, сделанные в публикациях А. Лефевра (2004; 2015), Т. Ингольда (Ingold 1993; 2007; 2011; 2013; 2014; 2018), В.Н. Давыдова (2011; 2018а; 2018б; 2018в), Д.В. Арзютова и Х.Х. Окотэтто (2018), несмотря на разнообразие «полей» и дисциплинарных рамок исследователей. Из значительного объема рассуждений, высказанных Т. Ингольдом, наиболее подходящими и продуктивными в рамках данной работы оказались мысли, связанные с разработкой понятий «landscape» и «tascscape» (Ingold 1993), а также более общие вопросы соотношения человека и окружающей среды (Ingold 2011). Философ и социолог А. Лефевр в книге «Производство пространства» сделал актуальные в контексте статьи замечания о центре, центральности и ритме (Лефевр 2015). Кроме того, он задал общий способ осмысления социального пространства, стараясь избежать смещений в сторону чрезмерно абстрактного или, наоборот, субстанционального рассмотрения темы (Лефевр 2015: 19–22). Также использовались разрабатываемый В.Н. Давыдовым концепт «темпоральности движения» и его замечания относительно особенностей природного и антропогенного ландшафтов в контексте эвенкийского населения (Давыдов 2017; 2018а; 2018б). Кроме того, эмоциональное и методологически захватывающее влияние оказала статья Д.В. Арзютова и Х.Х. Окотэтто, где авторы рассуждают об особенностях «связывания» культуры, тундры, людей и животных. Исследователи предпринимают попытку «взглянуть по-другому

на мир, в котором пространство между вещами оказывается не менее важным, чем сами вещи» (Арзютов, Окоэтто 2018: 3). Заслуживает внимания отход от рассмотрения «сети» связей (network) в сторону «переплетения» (meshwork) с привлечением этнографического материала (Арзютов, Окоэтто 2018: 4).

Отправным пунктом рефлексии является одно из определений социального пространства, данное А. Лефевром, исходя из которого оно представляет собой аспекты вторичной природы, результат «воздействия общества на природу “первичную” — на чувственные параметры, материю и все виды энергии» (Лефевр 2015: 8–9). Несмотря на общие контуры и недостаточность проработки этого определения, оно может быть использовано как базовое. Граница сталкивающихся социальной и природной (в которой реализуется деятельность) сред маркируется особенностями пространственных преобразований, выраженных использованием определенных наборов материальных объектов, нормами поведения, взаимодействиями разнохарактерных акторов и пр.

Рассмотрим примеры, полученные в результате экспедиционной работы в с. Жиганск. Село расположено на левом берегу р. Лены за полярным кругом, расстояние от Якутска до Жиганска по прямой 610 км, от села до устья Лены на сто километров больше. Населенный пункт основан в 1632 г. (в один год с Якутском) казаками Алексеем Архиповым и Лукой Яковлевым и в настоящее время является административным центром одноименного района. Несмотря на относительно изолированное расположение (отсутствие сухопутных дорог в летнее время между селом, Якутском и населенными пунктами района делает возможным перемещение лишь по воде и воздуху; в снежный период функционирует автотизмник), Жиганск исторически играл важную роль в продвижении служилых, промышленных людей и научных экспедиций в более высокие широты (Слепцова и др. 2017: 17). Численность населения на 2018 г. составляла 3399 человек (Численность населения Российской Федерации... 2018). Небольшой рекой Стрекаловкой село разделено на две части: основную (южную) и территорию микрорайона авиаторов, где находится аэропорт (северную). Местные жители заняты преимущественно в бюджетном секторе и сфере сельского хозяйства, представленного оленеводством, рыболовством и охотничьим промыслом (Слепцова и др. 2017: 14). Состав объектов социальной инфраструктуры таков: районная больница, школа, интернат, детские сады, здание поселковой и районной администрации, котельные, электростанция, нефтебаза, аэропорт, почта, полиция, банк, суд, продуктовые и хозяйственные магазины и др.

Жиганск существует в условиях достаточно интенсивной социальной динамики и активных жизненных ритмов: по улицам беспрестанно движутся люди и машины, в течение года из Якутска в Жиганск и обратно совершают рейсы самолеты, с июня по октябрь продолжается речная навигация, перевозящая местных жителей, туристов, вещи и продукты питания. В селе проводятся многочисленные спортивные и культурные мероприятия (особенно в зимнее время), население часто посещает Якутск, другие города России и зарубежья, отправляясь в отпуск или совершая деловые визиты. Некоторые приобретают квартиры в Якутске для себя и своих детей, чтобы те могли в них жить, когда придет время отправляться получать образование в высшие и средние профессиональные учебные заведения. Большинство мужчин вовлечены в охоту и рыболовство и совмещают их с профессиональной занятостью в других сферах. Летом многие женщины в свободное время занимаются собирательством ягод. Статус районного центра обуславливает сравнительно высокий уровень миграции населения из других сел. Наличие крупной водной артерии в виде р. Лены делает Жиганск достаточно удобным для доставки продуктов, одежды, строительных и хозяйственных материалов, техники, а также для сбыта продуктов охоты и рыболовства (ПМА 2018). Сочетание перечисленных выше факторов формирует контекст проживания людей, о хозяйственных практиках которых речь пойдет ниже.

Собирательство

Накануне В.Л. сообщил, что завтра мы с его бабушкой Е.Н. отправимся собирать голубику неподалеку от поселка. В связи с предстоящим событием я произвел небольшие сборы, достал резиновые сапоги, костюм и средство для защиты от комаров, приобрел некоторые продукты. Чтобы обезопасить себя от внезапной встречи с медведем, было решено взять в компаньоны собаку по кличке Герда, поскольку она могла бы предупредить нас об опасности. Около 12 часов следующего дня мы с В.Л. на автомобиле заехали за Е.Н., погрузили необходимые вещи: рюкзак, ведра, *куябыл* (эвенкийское приспособление для сбора ягод), бутылки с водой, еду и отправились на место сбора голубики. Оно представляло собой чередование травянистых полей и зарослей ивы, кедрового стланика, лиственницы и других растений. Автомобиль остановился около заброшенного здания, утопающего в ветвях деревьев, которое, как сказал В.Л., станет для нас точкой сбора на обратном пути. После этих слов он высадил нас и уехал.

Рис. 1. Ландшафт на месте сбора голубики. Жиганск, 2018.
Фотография автора

Е.Н. в процессе деятельности выступала в качестве наставницы, определяя и корректируя территорию собирательства, последовательность моих шагов, интервалы работы и отдыха, проводя инструктаж по использованию *куябыла*. Непосредственно собирательству предшествовали действия по созданию и обнаружению опознавательных знаков: на одном из невысоких деревьев висело ржавое ведро, которое потенциально могло стать хорошим ориентиром, на что мимоходом обратила мое внимание Е.Н. (см. рис. 1). В ходе продвижения вглубь поляны она несколько раз просила сделать дополнительные знаки на деревьях*, например накинуть куртку на куст. В другом месте, около тонкой лиственницы, нужно было пригнуть верхушку дерева к земле и повязать на нее яркий платок, хорошо просматривающийся с разных сторон. Таким образом, постепенно выстраивалась сеть визуальных ориентиров. Дойдя до условленного места, мы вынули из рюкзака необходимый инвентарь, рюкзак повесили

* О создании звенками системы опознавательных знаков см.: (Туголуков 1969; Хороших 1950).

на дерево и приступили к сбору ягод. Данный процесс состоит из нескольких поочередно сменяющих друг друга и повторяющихся этапов: работа *куябылом*, пересыпание ягод из него в ведро (сопровождающееся выдуванием мусора), а затем, по мере наполнения ведра, ссыпание ягод в отдельную большую емкость, роль которой играл платок. Кроме визуальных знаков, с целью ориентации на местности мы использовали голос, выкрикивали имена друг друга, когда в течение 20–30 минут не видели напарника или для оповещения о приближающемся привале. Во время первой трапезы Е.Н. попросила, чтобы я подвязал целлофановый пакет с едой к дереву во избежание порчи провианта собакой. При этом Е.Н. с помощью особого узла разделила один пакет на два отсека с разным содержимым. Его я должен был привязать к кедру, то же самое следовало сделать с бутылкой воды, но пакетов не осталось, поэтому я оказался в некотором замешательстве. Заметив мою растерянность, Е.Н. посоветовала использовать одну из веток стланика, завязав ее на узел вокруг бутылочного горлышка (рис. 2, 3). Кроме того, все с той же целью спасения от Герды пришлось привязать платок с находящимися в нем собранными ягодами к стволу дерева, предварительно отогнув ветки, а затем вернув их в исходное положение. Собака тем временем хаотично бегала, лежала в тени кустов, а иногда вовсе пропадала из виду, нарушая (как нам казалось) возложенную на нее функцию охраны людей от медведя. Часто в ходе процесса пересыпания ягод она мешала, принимая наши действия за игру, и получала критические замечания со стороны Е.Н. (ПМА 2018).

Около семи вечера сбор ягоды завершился. Е.Н. выбрала наиболее открытую поляну с низкой растительностью, я тем временем отвязал от дерева платок с собранной «добычей». Для того чтобы очистить голубику от мусора (неизбежно попадающего при работе *куябылом*), Е.Н. расстелила на земле платок и, выждав усиления ветра, начала понемногу ссыпать голубику из ведра на ткань, таким образом провеивая ягоду. Далее она передала ведро мне, чтобы я продолжил это действие, но ветер был очень слабым, а через мгновение и вовсе стих. Е.Н. отметила, что нужно подождать, однако потоки воздуха по-прежнему оставались в покое, тогда Е.Н. принялась негромко свистеть, тем самым «призывая» ветер. К сожалению, результата не последовало, и после нескольких безуспешных попыток она полушутя-полусерьезно критически произнесла: «У-у, русский!..», — имея в виду, что я, будучи чужим в данном пространственном контексте, нарушаю нормальное течение привычного процесса. Впрочем, через некоторое время провеять оставшуюся ягоду все же удалось. По завершении основного цикла деятельности я снял платок с верхушки

Рис. 2, 3. Завязанные на кедровом стланике бутылка и пакет с едой.
Жиганск, 2018. Фотография автора

лиственницы, забрал накиннутую на дерево куртку, отвязал пакет с едой. *Куюбылы* были убраны в рюкзак, а на ведра в качестве крышек мы повязали платки и вместе с Гердой отправились к условленному месту, где нас ожидал В.Л. (ПИМА 2018).

Описанный выше пример показывает, что отдельно от человека существует природная среда, где растут деревья, травы, ягоды, есть плотная растительность, сквозь которую ничего не видно, и, возможно, где-то за стеной из стланика, лиственниц и тальника бродит медведь, о котором накануне многократно говорили в селе. Там же находятся заброшенные здания, принадлежавшие совхозу, и военная база, которые постепенно переходят в разряд «природного»: они погружаются в землю, их опутывают трава и деревья, используют птицы и иные животные (Tilley 1994). В это автономное пространство, существующее по своим законам, приходит человек с конкретной целью: собрать голубику. Для того чтобы реализовать задуманное, он формирует «дополнительное» пространство со смутной морфологией. Трудно сказать (если вообще возможно), что происходит в данном случае: накладывание «социального» пространства на «природное», вложение первого во второе или иное преобразование.

Человек, попадая в существовавшую отдельно от него природную среду, начинает действовать в ней: он создает и использует точки ориентации (платок, куртка, крик), формирует необходимые ему разнесения/расстояния между акторами, действующими в этом пространстве (изоляция еды от собаки, соблюдение расстояния между собирателями, чтобы не мешать друг другу и не потеряться), предусматривает риски, исходящие из этого пространства (встреча с медведем) и пытается контролировать их (привлечение собаку). Таким образом, происходит реализация действий и ритмичности в контексте, отличном от повседневного, из которого пришел человек. Люди оказываются на поляне с собранным рюкзаком и свернутым знанием о том, что им предстоит делать, но еще дома из разных мест они собрали необходимые для планируемого процесса вещи, приготовили еду, купили воду, позвонили родственникам, накормили собаку и пр. На месте деятельности происходит «распаковка» рюкзака и знания, неотделимого от контекста и возникающего в соприкосновении с окружающей средой (Ingold 2013): человек «разворачивает» процесс взаимодействия с природным пространством, сокращая степень автономности последнего и повышая уровень агентности отдельных его компонентов. Он связывает с окружающей средой навыки, элементы одежды, бутылки, технику работы *куюбылом*, ритмы разных акторов, «приглашает» к участию собаку.

В этом пространстве возникает не существовавшая до прихода человека «плотность» (а она, конечно, была и ранее, поскольку «природная среда» тоже состоит из переплетений и уплотнений /Ingold 2014: 51/). Но «знание», с которым человек приходит в природную среду, не имеет завершенности и автономности в отношении пространства взаимодействия, поскольку находится в параллельном «ментальном пространстве». А. Лефевр по этому поводу писал следующее: существует «противоречие между теориями пространства и пространственной практикой. Противоречие, скрытое (можно даже сказать, задушенное) идеологиями, вносившими путаницу в споры о пространстве, перескакивавшими от космоса к человеку, от макро к микро, от функций к структурам без всяких концептуальных и методологических оговорок. Весьма смутная идеология пространственности наталкивалась на рациональное знание, эффективное, но авторитарное планирование, расхожие и банальные репрезентации» (Лефевр 2015: 8). Е.Н., как и другие информанты, практически никогда не проявляла желания объяснить мне специфику какой-либо деятельности вне контекста ее совершения, например в домашних условиях. Объясняя принцип работы *куябылом*, она постоянно сопровождала рассказ действиями, вернее, Е.Н. даже не столько говорила, сколько показывала. Можно предположить, что данный вид «знания» приближается к завершенности и цельности в процессе деятельности, соприкасаясь с определенными свойствами среды (Ingold 2007: 13). Здесь наблюдается двойственность: А. Лефевр пишет об «авторитарном планировании» (Лефевр 2015: 8), имея в виду тотальный характер абстрактного знания, но в то же время данная «тотальность» может существовать, лишь замыкаясь на саму себя или на другие «гомологичные» пространства абстрактного знания. Однако в ситуации соотношения знания и пространства действия первое имеет незаконченный характер, сталкиваясь с чем-то принципиально отличным, таящим неопределенность и требующим актуализации иных способов взаимодействия (Brandišauskas 2019).

Рыболовство

Расположение Жиганска на берегу одной из крупнейших сибирских рек — Лены, а также богатая сеть рек и озер Якутии обусловили важную роль рыболовства в жизни местного населения. Как сказал В.Л., «мы тут вроде промысловики». Объекты рыболовецкого промысла разнообразны: омуль, таймень, нельма, чир, осётр и др. В осенний период, преимущественно в ноябре, наиболее популярна ряпушка, массово идущая на нерест. Местные жители рыбачат в разных местах: по многочисленным озерам,

рекам в Верхоянских горах, куда добираются на лодках, на самой Лене (по обоим берегам) и вдоль других равнинных рек. Выбор места зависит от целей рыболовства (отдых, промысел, туризм, комплексная промысловая деятельность), сезона, погоды, привычек, административных ограничительных постановлений.

Рыболовство объединяет широкий спектр предметов, практик, навыков, социальных сетей, нарративов, обрядов («кормление» реки, огня), актуализируемых в процессе промысла (Василевич 1969: 80–86; Гурвич 1977: 44–48; Селезнева, Селезнев 2001). В гараже В.Л., расположенном в поселке рядом с его домом, находится промысловая одежда: пуховики, обувь, головные уборы, а также снасти, спальные мешки, снегоход, пешни, моторы для лодок и иные многочисленные атрибуты, покоящиеся в ожидании использования. Пополнение арсенала этих объектов связывает удаленный и сравнительно изолированный в географическом отношении Жиганск не только с Якутском, где местные рыбаки покупают необходимое снаряжение, но и со всей страной. По словам В.Л., он часто пользуется услугами интернет-магазинов из разных регионов: «... «Рыболов.орг» — магазин, офис в Санкт-Петербурге находится. Вот там... сначала заказал на тыщу пробную, потом на две тыщи, потом на три, а потом вообще... ко мне ... обращались друзья, знакомые шофера; давай заказывать, когда только интернет у нас появился в Жиганске, и... самую крупную сумму: на 40 или 50 тысяч... Историю заказов смотрю, там у меня уже больше 200 тысяч — я с одного магазина купил». По времени «посылка идет когда как... самое быстро 10 дней». Другой интернет-магазин, к услугам которого обращается В.Л., предлагает товары для охотников: «Довольно-таки много покупал там чего: спасательные жилеты... до сих пор пользуюсь ими, потом плащи-накидки; отцу костюмы... Ну, и щас ребята тоже уже научились все, где-то кто-то на конторах этих сами себе заказывают» (ПМА 2018).

Для хранения рыболовецкого снаряжения, а также с целью экономии сил и времени у многих жителей имеются балки, представляющие собой небольшие металлические (или деревянные) кладовые на полозьях, которые с началом рыболовецкого сезона рыбаки привозят на берег из поселка (как прицепы). Добытую рыбу хранят в специальных «ларях» — морозильных камерах со средним объемом 300 литров, расположенных дома (ср.: Давыдова 2019). Хотя по протяженности р. Лена входит в десятку самых больших рек в мире (см.: Немного о величии...) и рыбы в ней совершают внушительные территориальные перемещения, они способны преодолевать гораздо большие расстояния, будучи выловленными, поскольку рыба выступает подарком и пищевым ресурсом, который часто

отправляют или везут с собой знакомым и родственникам в Якутск, Москву, Санкт-Петербург и другие города.

Население Жиганска приобщается к рыболовству с раннего детства. На берегу неподалеку от поселка едва ли не каждый день я видел, как дети, преимущественно вместе с женщинами, стояли у Лены с удочками. В.Л. рассказывал, что во времена его детства (1980-е годы) рыбаков вдоль реки было больше, весь берег в ночное время мерцал огнями растянувшихся на несколько километров костров. Рыболовство вплетается в жизнь местных жителей через наблюдение и непосредственное участие в промысле и сопровождает их до старости. Среди населения бытуют многочисленные нарративы, связанные с рыболовецким опытом, различные истории, гиперболизирующие происходящие в ходе промысла. Несмотря на то что у некоторых групп эвенков, как отмечала Г.М. Василевич, рассказы о свойствах рыбы носят фрагментарный характер, не складываясь в сложную тотемическую систему (Василевич 1969: 219), у представителей эвенкийского населения из Жиганска до сих пор сохраняются нарративы о целебных свойствах рыбы, которая одним прикосновением к телу человека может вылечить безнадежно больного (ПМА 2018).

Однако подобные истории и связи не были бы возможны без конкретного пространства рыболовецкой деятельности, формируемого перечисленным компонентным многообразием. Под конкретным пространством здесь понимается такая организация пространства, которая реализуется в процессе промысла — это место рыбной ловли. Кратко рассмотрим процесс его производства в ходе подледного лова ряпушки, пользующегося в Жиганске большой популярностью. Как и в случае с собирательством, промысел начинается с уплотнения — собираются люди: родственники и друзья. Участники будущей деятельности договариваются о времени, потенциальном месте, детализируются цели предстоящей поездки, задействуются «выключенные» ранее из использования элементы материальной культуры: сети, промысловая одежда, пешни, лопаты, балки, палатки, спальные мешки, прицепы и др. Образуется сочетание людей, предметов, животных (многие берут на промысел собак), мыслей, настроений, воспоминаний, стратегий в отношении предстоящего промысла (Давыдов 2018в). Это сочетание, будучи по-прежнему связанным со сферами домашнего очага, работы и т.д., именно в формате такой новообразовавшейся связки представляет особую конфигурацию, которая, являясь уплотненной, выделенной из «повседневного» пространства, вступает во взаимодействие с иной средой.

После завершения приготовлений группа рыбаков на снегоходах с необходимым инвентарем выдвигается на реку. В отличие от собирательства

голубики, где «природное» пространство является относительно неподвижным и не требует учета динамических характеристик, подледный лов предполагает сложную аналитическую работу человека (Иохельсон 2005). Для формирования места рыбной ловли необходимо учесть ряд параметров: особенности течения реки, рельеф дна, глубину водоема; немаловажным является (впрочем, как и в собирательстве) фактор удачи, поскольку можно угадать (или не угадать) место и время наиболее плотного потока рыбы (Brandišauskas 2019), поэтому вновь прибывшие рыбаки могут поинтересоваться у приехавших ранее товарищей о том, «как идет рыба». После выбора места начинается распаковка привезенного инвентаря и соответственно знаний, интуиций, обусловленных данной деятельностью. Некоторые рыбаки привозят с собой балок для возможности погреться, выпить чаю, отдохнуть; те, кто уезжает на далекое от поселка расстояние, ставят палатку для предстоящей ночевки.

Ключевым занятием в зимнем варианте рыболовства является установка сети подо льдом*. Для этого пешней (или бензопилой) пробивается несколько лунок (их расположение связано с особенностями течения воды и хода рыбы). В первую из них погружается деревянный шест длиной около 10 м с привязанной к нему веревкой, который направляется одним человеком в сторону остальных лунок, другой рыбак специальной палкой корректирует направление шеста до конечной лунки, откуда она вытаскивается. После этого по протянутой веревке под воду опускается сеть, закрепляемая с двух краев поперечно кладущимися перекладинами. Ее оставляют на несколько часов под водой. В период между установкой и проверкой сети рыбаки исходя из обстоятельств могут уехать обратно в поселок, заночевать в палатке или принять пищу. Через некоторое время достают и проверяют сети, распутывают застрявшую в ячеях рыбу, складывая ее на лед рядом с лункой (замёрзшая таким образом рыба считается высококачественной, поскольку она подверглась «шоковой заморозке», не утратив своих вкусовых свойств /ПМА 2018/). Если улов на данном месте удовлетворил рыбаков, сеть опускают обратно, в случае неудачи, место промысла могут поменять. По завершении лова рыбу грузят в прицеп, собирают оставшиеся предметы и отправляются домой. Происходит «рассредоточение» сложившейся целостности: сети, одежда и прочие атрибуты раскладываются

* Видео, в котором показана установка сети подо льдом в Жиганске: <https://www.youtube.com/watch?v=0CJLdCDgLS0&t=300s>, <https://www.youtube.com/watch?v=ldDu8LMWgiM&t=150s>.

по местам (но физическое состояние использованного инвентаря изменилось, что обусловлено износом материальных объектов). Люди тоже возвращаются в привычную повседневность, уже обладая добычей и новым опытом.

Морфологически пространство подледного рыболовства представляет собой временно освоенный локус даже не суши, а воды в твердом и жидком состояниях: в период деятельности человека на льду появляются палатка, балок, снегоход, прицеп, сеть, лопата и иные элементы, которые направлены в первую очередь на реализацию особого способа взаимодействия с содержимым водного пространства — рыбами, находящимися в потоке, при помощи перекрывания этого потока сетью (Иохельсон 2005). Ее использование наполняет пространство воды дополнительной структурой, и содержимое первоначального пространства начинает вести себя по-другому, принося интересующий рыбаков результат. Данное дополнительное пространство нейтрально по отношению к воде, оно в некоторой степени является имитацией воды, потому что не связывает жидкую среду саму по себе. Сеть невесомо пребывает в воде (для придания «весомости» используют грузила), но в то же время она обладает необходимыми характеристиками: сетчатой плотностью, образуемой связью идентичных ячеек, размер которых скоррелирован с конкретным видом рыбы (рис. 4). Происходит соотнесение поведения, жизненных ритмов рыбы и встроеного пространства сети, которому человек делегировал свои функции по вылову объекта промысла (Латур 2004), а если быть более точным, то создал эту функцию, которую бы не смог реализовать сам. Акт рыболовства в данном отношении представляет собой изъятие вложенного пространства (использование крючков открывает иную перспективу, актуализируя соревновательный процесс, поскольку крючок с наживкой имитирует жертву, и между рыбой и наживкой возникает «азартная игра», происходит задействование хищнических инстинктов животного). Процесс сетного лова (использование именно ставной, т.е. неподвижной, сети) является соотношением а) двух пространств: воды и сети; б) потока рыбы и вложенного пространства сети.

Рыболовство способно выступать в разных ипостасях: как развлечение для детей или подростков; в качестве семейного занятия, сочетающего рекреационные и коммерческие смыслы; как бизнес в форме промыслового туризма или продажи улова. Широкой популярностью в Жиганском районе пользуется республиканский рыболовный фестиваль «Путина Заполярья», проходящий в конце августа (В Жиганске прошел фестиваль...). Это мероприятие, хотя и разворачивается вокруг рыбной ловли, сопряжено также с иными целями и практиками. Оно включает

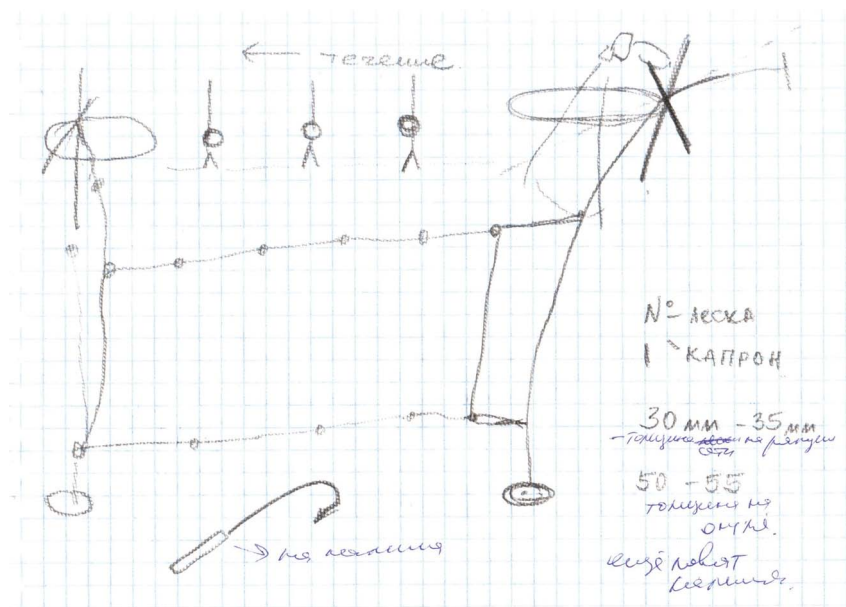

Рис. 4. Рисунок ставной сети на ряпушку и крючок на налима (с комментариями). Рисунок выполнен информантом В.Л. Жиганск, 2018

в себя многочисленные конкурсы: на «лучшую палатку», самое быстрое приготовление чая, гонки на весельных лодках и пр. В данном случае наряду с очевидным центром деятельности (рыболовством как способом взаимодействия с природной средой) формируется другой центр (или центры), связанный в большей степени с социальными аспектами. Соответственно, множественность, производимая вокруг акта рыболовства, создает различные морфологические, структурные и функциональные дополнения.

Таким образом, реализация акта рыболовства производит процесс рыболовства, который обнаруживает вовлечение в себя множества агентов, перечисленных выше, связанных с актом рыболовецкой деятельности в разной степени (от прямой связи — установка сети — до крайне косвенной — отвлеченные рассказы рыбаков в период ожидания проверки этой сети, когда происходящее оказывается соотношенным с рыболовством не функционально, а территориально и дискурсивно). Акт рыболовства представлен моментом «разрывания плотности», образовавшейся вокруг понятия (и феномена) рыболовства, стирающим выстраиваемые границы

природного/культурного и делающим возможным само явление рыбной ловли в виде изъятия сети с рыбой.

Охота

Охота также имеет большое значение в Жиганске. Объектами промысла выступают перелетная водоплавающая птица, олень, лось, соболь и некоторые другие виды животных. Временные рамки охотничьего сезона устанавливаются соответствующими службами контроля и зависят от района и животного, на которого производится охота. Разнятся также варианты пребывания на месте промысла: люди могут находиться в балагане или палатке; осуществляются разные виды охоты: пассивная/активная; варьируют длительность пребывания людей на промысле и ряд иных показателей. При активном способе охоты, в частности на гуся, структурно процесс выглядит следующим образом: сборы охотников, достижение запланированного места, разбивка лагеря, организация укрытия (скрадок), выставление маншиков, визуально имитирующих гусей (ср.: Степанова 2020), выжидание, сопровождающееся звуковым приманиванием птицы, и непосредственно выстрел (следует отметить, что зачастую действия осуществляются не последовательно, а одновременно несколькими охотниками и каждое из них может рассматриваться как «уплотнение»).

Пассивные способы охоты, например на соболя, обладают иной динамикой: в снежное время года охотник на снегоходе отправляется из поселка и объезжает округу, расставляя капканы. Через некоторое время он проезжает повторно, забирая добычу (для расстановки/проверки всех ловушек охотник преодолевает расстояние до ста километров). Пассивная охота, как и рыболовство ставной сетью, представляет собой дополнение существующего природного пространства в виде наложения сетки (но не сетки ячей, а сетки точек, связанных в голове охотника) без последующего стягивания (Гурвич 1977: 42–43). Разрыв взаимодействующих сфер социального и природного пространства происходит при изъятии вложенного дополнения. Активная охота отличается своей темпоральностью, предполагающей реализацию последовательности стягивающих действий, сводящих пространство к кульминационной точке, «разрываемой» выстрелом охотника (Willerslev 2007: 1) (то же относится к пассивному и активному рыболовству; собирательство всегда «активно», поскольку требует постоянного участия человека; пассивные способы деятельности возможны при взаимодействии с динамическими объектами путем формирования наложений (с последующим извлечением) на среду их существования).

«Перетекания плотностей»

Нередко процесс охоты сочетается с рыболовством и собирательством. У семьи В.Л. в районе озера, где в детстве жила его бабушка, находится охотничья избушка — балаган. Он и его родственники каждый год приезжают туда на охоту, рыбалку, сбор ягод, чтобы отдохнуть на природе. При рассмотрении разных видов промысловой (и хозяйственной в целом) деятельности возникает вопрос, где проходит граница между ними и что она собой представляет. Опираясь на материалы по Анабарскому району, А. Венцель пишет о «континууме охотников-оленоводов», сложившемся в этом регионе (Ventsel 2006: 82). Ш. Степанов также утверждает, что «граница между охотниками и скотоводами не закрыта» (Stepanoff et al. 2017: 64), поскольку представители обеих групп для ведения хозяйства пользуются общими навыками и техниками (например, умение определять, где находятся домашние олени в период их свободного выпаса, соответствует навыкам охотника обнаруживать дичь в ходе промысла) (Stepanoff et al. 2017: 63–64). Д. Арзютов приводит примеры того, как собирательство плавника оказывается важным условием существования оленеводческого хозяйства (Арзютов 2020: 141–142). Иллюстрации перетекающих, гибридных форм деятельности можно продолжить. Таким образом, в поле зрения исследователя оказывается деятельностная непрерывность, а задачей становится поиск способов ее рассмотрения.

Это может быть сделано через анализ такого процесса, как конфигурирование связываемого пространства вокруг *центра* деятельности. Под этим я понимаю исследование временно создаваемых целостностей-плотностей, возникающих в контексте определенного занятия, например как связываются введенные человеком предметы, животные, стратегии в процессе охоты. В таком случае происходит дистанцирование от обобщений типа «охотники и собиратели», «скотоводы», «земледельцы» и пр. (Левин, Чебоксаров 1955), предполагающих генерализирующее поглощение «реальной жизни» в пространственном и временном планах (поскольку концепция хозяйственно-культурных типов слабо учитывает фактор темпоральности реализации хозяйственных практик и локализации их в определенных территориях /Левин, Чебоксаров 1955/). При описании «центрирования» деятельности происходит детализация и прояснение этих понятий до уровня центров «сгущения» и интенсификации пространства (лов рыбы, охота на оленя, собирательство голубики на определенных участках), соотносенных друг с другом (Davydov 2011: 111). Таким образом, мы имеем дело со множеством возникающих/исчезающих пространств, формируемых вокруг центров с той же рит-

мичностью. Далее возникает проблема осмысления синхронного характера соотношения этих центров (и соответственно, пространств): они могут взаимопроникать, объединяться, существовать относительно независимо, но полных независимостей (разрывов) нет. Это соотносится с тем, что Тим Ингольд называет «taskscape» (Ingold 1993: 158–161), здесь присутствует аспект пульсирующих плотностей в едином поле активности.

В контексте рассматриваемых вопросов пространство представляет собой условие определенной деятельности (рыболовства, охоты, собирательства). Оно возможно благодаря знаниям, навыкам людей, наличию иных агентов социального пространства, связываемых с природным и благодаря наличию последнего. Человек, принадлежащий эвенкийской культуре, оказавшись даже в незнакомом лесу или на неизвестной ему реке, знает, как себя вести, что необходимо предпринять для добычи ягод, рыбы, дичи. В данном случае сказывается гомологичность пространства, в которое он попадает (т.е. его структурная, функциональная и морфологическая эквивалентность привычным, родным ландшафтам). Узнав знакомое в незнакомом, человек начинает развертывать деятельностную «традицию» (шаблон/паттерн) (Головнев и др. 2018: 188) исходя из своего знания соотношения конкретной деятельности с конкретным ландшафтом*.

Подобная стратегия характерна для типичных пространств собирательства, охоты, рыболовства. Как писал археолог Р. Криб, отличие оседлого поселения от стоянки кочевника заключается в том, что для первого характерны устойчивые, реализованные материальные постройки, наличие которых связано с аспектом длительного существования, когда каждое новое пространственное изменение или дополнение пристраивается к серии существующих строений. Во втором случае каждое занятие территории является новым событием, так что стоянка кочевника не имеет такой истории, но постоянно остается на первоначальных стадиях типичного цикла развития оседлого поселения (Cribb 1991: 56; см. также: Ingold 2011: 181). Принимая во внимание аспект исторической длительности, следует отметить, что с течением времени описанные Р. Крибом

* На мой взгляд, в данном случае можно говорить о ландшафте как знакомом сочетании видимых элементов, предполагающих соответствующие действия. В таком контексте ландшафт выступает не в той перспективе, в какой его понимает Т. Ингольд (ландшафт как визуализированный taskscape (континуум деятельности) (Ingold 1993: 167). Это скорее «природный ландшафт» (Давыдов 2018: 24), визуализированные условия для набора конкретных практик из общего континуума деятельности (taskscape).

формы существования (оседлые жители, скотоводы, охотники-собиратели и т.д.) теряют свое социально-детерминирующее и разграничительное значение и оказываются сосуществующими формами деятельности (и способами организации пространства) в рамках одного сообщества. Охота, рыболовство и собирательство представляют собой исторические виды промыслов коренного населения Жиганского района — эвенков (Жиганский улус: история, культура, фольклор 2012). Несмотря на разнообразие сфер занятости, перечисленные промыслы продолжают играть важную роль в современном Жиганске: дети, взрослые, пожилые люди, мужчины и женщины — все оказываются в той или иной степени вовлечены в эту деятельность.

Специфика охоты, рыболовства и собирательства как способов организации пространства заключается в особенностях пространственного связывания. Последнее оказывается не просто метафорой, но проявляется буквально: через завязывание узлов на деревьях, сумках, перевязывание содержимого прицепа снегохода, установку палаток, сетей, запутывание в них рыбы и т.д. (концептуально на примере ненцев Ямала аспекты буквального связывания рассмотрены в статье Д.В. Арзютова и Х.Х. Окоэтто /2018/). По данным информантов, еще в середине — третьей четверти XX в. навыки связывания среди местного населения были более разнообразны (и значимы), чем сейчас: Е.Н. рассказывала, как однажды на рыбалке ее отец (описываемые события относятся к 1940-м годам), поймав щуку, за неимением необходимой посуды, смог приготовить уху. Для этого он срезал кусок березовой коры, обработал его ножом, подготовил «жилы» тальника и сшил ими кору в виде емкости для варки; сверху он пришил ручку из добытого тут же древесного корня, далее с помощью установленных по бокам от костра палочек с положенной на них деревянной перекладиной подвесил емкость над костром, налив туда воду и положив пойманную щуку. Через некоторое время уха была готова, причем берестяной котелок не пострадал (ПМА 2018).

Кроме того, по словам информантов, семейные перекочевки оленеводов в Жиганском улусе существовали до 1970-х годов. Кочевой образ жизни предполагает комплекс пространственных стратегий, отличающийся от оседлых вариантов (Головнев и др. 2018б). А. Лефевр писал, что «если труд, в том числе определенная часть домашнего производства (готовка), требует устойчивых локусов, то ни сон, ни игра не предъявляют таких требований» (Лефевр 2015: 354). Но, как показывают примеры из эвенкийской этнографии, трудовая активность (в форме оленеводства, охоты, рыболовства и пр.) может быть реализована в связанном, но не жестко фиксированном пространстве (Сирина 2012). Иллюстрацией данного

Рис. 5. Картина с изображением природного ландшафта. Жиганск, 2018.
Собственность информанта П.В.

высказывания является картина, находящаяся в квартире одного из жителей Жиганска (рис. 5).

Неизвестно ни авторство, ни время ее создания, однако изображенное убедительно отражает важный аспект эвенкийского «традиционного» пространства. Конечно, это касается не только культуры эвенков и связано отнюдь не только с этнической спецификой. Скорее, наоборот, в картине отражено пространство деятельности, входящей в поле «традиционной» культуры, но не ограничивающейся ею. Сравнения картину с работой П. Брейгеля Старшего «Жатва», приводимой в качестве примера для иллюстрации «темпоральности ландшафта» Т. Ингольдом (Ingold 1993: 164–171), следует отметить важное различие в контексте — дихотомию фиксированного/нефиксированного. В произведении Брейгеля мы видим твердые неподвижные объекты, такие как церковь, деревья, дома на заднем плане, которые своей плотностью и массой формируют и «укореняют» длительно существующие места (Ingold 1993: 167–170). Даже природное пространство в виде пшеничного поля произведено человеком, меняющим и формирующим ландшафт. На картине существуют

постройки и инфраструктура (structures and infrastructure) (Davydov 2017: 15), строго привязывающие людей к фиксированным локусам. Данная дихотомия может быть проявлена и через оппозицию «присваивающее — производящее» хозяйство. Так, допустимо утверждать, что в первом случае происходит изъятие необходимых ресурсов из существующей независимо от человека среды, а во втором — формирование и эксплуатация этой среды человеком. Вместе с тем, как показывает жиганский полевой материал, в процессе охоты, рыболовства и собирательства тоже происходит формирование нового пространства; отличие может заключаться в том, что оно формируется (связывается, уплотняется) и рассредоточивается ситуативно, существуя в ином темпоральном режиме. В данном отношении не происходит жестких длительных трансформаций ландшафта, но появляется временный центр как неустойчивая точка кристаллизации и стабилизации пространства. И наоборот, земледелие (синонимичное оседлости и фиксации) формирует крепкую опредмеченную сцепку с пространством; центр проецируется и закрепляется в сфере реализованного.

Жиганская картина отражает временное пребывание человека в среде, связанное, но не конституированное пространство, сформированное лишь лодкой, палаткой и котелком над кострищем, реализованное (подобно капканам, сети или повязанному сигнальному платку на дереве) в типичном для местных жителей природном ландшафте. Человек на картине отсутствует. Возможно, он рыбачит неподалеку или ушел собирать ягоду; по завершении своей деятельности он потушит костер, заберет котелок, свернет палатку, погрузит все это вместе со своей добычей в лодку и уедет, ослабив произведенную ранее связность.

Некоторые итоги

Выше были рассмотрены такие свойства пространства, как связываемость и уплотнение. Представляется важным выделение данных параметров, поскольку в процессе деятельности происходит уплотнение пространства, обусловленное сгущением социальных, материальных, психологических и иных отношений и феноменов, что может открыть новые подходы в описании пространственных преобразований. Связывание осуществляется в двух проекциях: а) в качестве формирования определенных конфигураций в рамках социального пространства; б) как реализация этих конфигураций в контексте «природной» среды.

Открытым остается вопрос о содержании, вкладываемом в понятие социального пространства. Как уже упоминалось, по А. Лефевру (который, впрочем, не давал единого определения), это среда, порожденная

наложением вторичной природы (человеческой, культурной) на первичную, которая воспринимается, осмысливается, переживается, используется и (вос)производится людьми (Лефевр 2015: 8–9, 50–59). Социальное пространство обладает своей логикой, отличной от логики одного человека, поскольку его (пространства) «социальность» предполагает коллективное производство, также оно включает в себя множество агентов, обладающих собственными чертами и свойствами и отнюдь не всецело контролируемых человеком. Поэтому в рамках социального пространства человек не тотален, он вынужден соотноситься с логикой производимого.

Далее я подробнее остановлюсь на процессе соотношения социального и несocialного в процессе производства мест хозяйственной деятельности.

Социальное пространство

В данном случае рассматривается среда, сформированная жилищем, одеждой, пищей, определенными нормами поведения, языком, экономикой, в общем тем, что устойчиво появляется при столкновении и погружении человека в окружающую среду. При этом погружении происходит формирование множественных границ, поверхностей, маркирующих соприкосновения с природой, другими людьми, социальными нормами и пр.* Рассматривая процесс деятельности, например собирательства, мы наблюдаем, как реализуется соотношение: человек, обладающий устойчивыми формами феноменов (социальное пространство), взаимодействует с окружающей средой в отличном от повседневных действий режиме. «Запускаются» серии отбора и избирательных операций, поскольку люди взаимодействуют не со всей средой, но с той ее частью, которая отвечает их интересам в данном случае. Для исполнения поставленной цели подходят отнюдь не все комбинации элементов, которыми человек обладает (формирующие некое общее социальное пространство), следовательно, постоянно происходят трансформации существующих сочетаний элементов (Ingold 2018) вокруг временного центра.

О значении центра как пространственной категории оставил замечания А. Лефевр. Он писал, что «общим местом познания, сознания, социальной практики оказывается *центральность*. Не существует “реальности” без концентрации энергии, без очага или ядра... *Форма*

* Разграничение этих сред, выражающееся в объектах материальной и духовной культуры, соотносится с тем, что Дж. Гибсон выделял в категорию «поверхностей» (Гибсон 1988: 52–65).

центральности, пустая, как любая форма, требует содержания, влечет к себе и вбирает в себя те или иные предметы. Становясь местом действия, последовательности операций, она обретает *функциональную* реальность. Вокруг центра выстраивается *структура* (ментального и/или социального) пространства; структура эта всегда временна и, наряду с формой и функцией, входит в определенную практику. Понятие *центральности* заменяет собой понятие *тотальности*. Оно смещает это понятие, релятивизирует его, привносит в него диалектику. Всякая центральность вначале складывается, затем распадается, размывается, взрывается: происходят насыщение, рассеяние, агрессии и т.д. Что не позволяет “реальному” застыть в неподвижности и вызывает его безостановочное движение. Отсюда выводится общая *фигура* (центр и смещение центровки), оставляющая место как повторяющемуся, так и дифференциальному, как времени, так и соположению» (Лефевр 2015: 389–390).

Центр создается движением этих комбинаций. Подобное формирование происходит не просто при покровительственном отношении человека к иным акторам, важными оказываются сами предметы как проявления индивидуальных качеств, характеристик, делающих их функциональными, обнаруживающих их потенциал активности в среде, т.е. акцентируется способность предметов совершать определенные действия в пространстве и времени (Ingold 2007). В процессе деятельности акторы складываются «здесь и сейчас» и создают сочетания — точки формируют фигуры. В рамках конкретной деятельности из общего поля социального пространства изымаются отдельные акторы / сочетания акторов (или элементы / сочетания элементов, которые приобретают агентность, они меняют свою территориальную, функциональную локализацию, темпоральность; внутри образующихся комбинаций важны расстояния, временные соотношения и иные параметры), которые связываются вокруг *центра* в процессе реализации деятельности. Новое пространство, обозначаемое как социальное, формируется не в пустоте, а в соотношении.

Природное пространство

Чем в таком случае является природная среда и насколько адекватно выделять ее в качестве самостоятельной категории? Под ней может быть понимаемо некое «физическое неструктурированное» (или слабоструктурированное) пространство, физическое существование которого реально, а социальное потенциально. Соприкасаясь с ним, человек взаимодействует с плохо структурированным (в его представлении) континуумом элементов и связей, формируя точки кристаллизации активности, центры

интенсивности и т.д. Природная среда, в которой происходят действия людей, выявляется (и даже создается) теми концентрациями мыслей, чувств, предметов и иных акторов, которые реализуются при взаимодействии с ней. В процессе охоты, рыболовства и собирательства также наблюдается конкретное пространство, конституируемое и продуцируемое в ходе деятельности людей, т.е. формируется единое поле активности людей, включенных в определенный промысел.

В этот процесс может входить несколько человек, среди которых формируется коммуникативная среда, направленная на реализацию задач промысла. Данный аспект раскрывается намного шире, если учесть, что коммуникация (взаимодействие) в рамках деятельности происходит не только между людьми, но и между людьми, вещами, животными, духами и т.д. (Сирина 2012). Общее «понимание» достигается благодаря (и в процессе) деятельности, связанной интенциональностью людей. Однако человек (охотник, рыбак) не осуществляет тотального контроля над средой (случай, удача, общение с духами реки, огня /Давыдов и др. 2016; Brandišauskas 2019/ — это проявление неполноты власти). Помимо того, что он адаптирует (приспосабливает, domesticiрует), человек всегда адаптируется, т.е. соотносится с ритмами животных, особенностями предметов материальной культуры, погодными условиями и прочими параметрами. В рамках конкретной деятельности он «доместцируется» пространством, приспособливая свое мышление, навыки и другие инструменты для взаимодействия с тем пространством, в которое попадает. В таком случае произведенная комбинация элементов фактом и процессом своего формирования создает центр, в контексте которого она складывается. Возникает коммуникативное пространство деятельности, появляется целостная «понимающая» связка, где интенциональность и мышление присущи не только человеку, но и вся целостность существует как проявление и акт мышления. Именно это «связочное», «целостное» мышление (мышление целостностью/целостности) делает возможным получение некоторых форм знания (например, об идущей подо льдом ряпушке), эксплицитным носителем которого выступает человек, в то время как остальные акторы связки тоже «знают», но «знают» имплицитно. Также следует отметить, что это «знание» деятельностно, т.е. оно преодолевает границы гомогенного «ментального пространства», о котором писал А. Лефевр (Лефевр 2015: 8, 19–22), и проявляется на пересечении ментального, практического и физического, оно принципиально несводимо к одной единственной сфере, но является «смещением», приводящим к событию, по А. Цзин (Цзин 2017: 45–46).

Пространство деятельности

Подобный процесс имеет общие черты с локализацией разума (mind), описываемой Грегори Бейтсоном (Bateson 1973). Тим Ингольд, сравнивая его подход определения разума с концепцией Клода Леви-Стросса, показывает, что если для второго автора «разум» эквивалентен «мозгу» (тождествен деятельности мозга по кодированию/декодированию информации), то, по Бейтсону, разум должен рассматриваться как свойство, присущее системе «организм — среда», не ограничиваясь телом человека (Bateson 1973: 429; см. также: Ingold 2011: 18). Он появляется и проявляется именно в этом *отношении* и представляет собой разворачивание целой системы отношений, определяемой мультисенсорным вхождением субъекта (perceiver) в окружающую среду. Информация не пассивно пребывает в окружающем пространстве до момента восприятия, она существует благодаря движению воспринимающего субъекта в пространстве (Ingold 2011: 18).

В приведенных примерах пространство деятельности является нестабильной средой, оно выступает в качестве процесса производства новых сочетаний элементов, отличающихся разной темпоральностью. Подобно тому как ландшафт в ингольдианском понимании (Ingold 1993) не сводится лишь к природным качествам, а деятельность человека к культурным аспектам, так и возникающее в рамках рассмотренных примеров пространство несводимо ни к первому, ни ко второму, поскольку его формирование характеризуется сочетанием разнохарактерных параметров. Во время деятельности социальные феномены уплотняются, а природная среда (наборы ее свойств) «высвечивается». Именно с этим актуализированным полем человек соотносит свои действия, становясь его частью. Статичное определение пространства в данном контексте будет уместным, но недостаточным, поскольку сферы охоты, рыболовства и собирательства, описанные в статье, формируются и разрежаются ситуативно, в соответствии с ритмами определенной деятельности, и локализуются в нестабильных центрах. Наличие перечисленных практик связано с постоянным движением, пересобиранием и деформациями, поэтому более объемное определение пространства должно включать в себя аспект темпоральности описываемых событий как процесс разворачивающегося взаимодействия.

Литература

Арзютов Д.В., Окоэтто Х.Х. (2018) Связывая вещи, животных и людей: к социальной топологии ненецких узлов. Федорова Н.В. (ред.) *Археология Арктики. Вып. 5*. Омск: Омскблиздат: 89–106.

Арзютов Д.В. (2020) Приручение энергий в ненецких тундрах: окружающая среда и технологии на российском Севере. Давыдов В.Н. (ред.) *Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений*. М.: Изд-во вост. лит.: 114–142 (в печати).

Богораз В.Г. (1991) *Материальная культура чукчей*. М.: Наука.

Василевич Г.М. (1969) *Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.)*. Л.: Наука.

Гибсон Дж. (1988) *Экологический подход к зрительному восприятию*. М.: Прогресс.

Головнев А.В. (2018) Кочевники Арктики: искусство движения. *Этнография*, 2: 6–45.

Головнев А.В., Куканов Д.А., Перевалова Е.В. (2018) *Арктика: атлас кочевых технологий*. СПб.: МАЭ РАН.

Гурвич И.С. (1977) *Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа*. М.: Наука.

Давыдов В.Н., Симонова В.В., Сем Т.Ю., Брандишаускас Д. (2016) *Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири*. СПб.: МАЭ РАН.

Давыдов В.Н. (2018а) Мобильность как рефлексивный и креативный процесс: использование инфраструктуры эвенками Восточной Сибири. *Уральский исторический вестник*, 3(60): 24–30.

Давыдов В.Н. (2018б) Стратегии использования пространства и режимы автономности: отношения эвенков и государства на Северном Байкале. *Этнография*, 2: 46–66.

Давыдов В.Н. (2018в) Эмоции в отношениях человека, животного и ландшафта: исследования коральных работ на Таймыре. *Кунсткамера*, 2: 81–87.

Давыдова Е.А. (2019) Холодильник, соль и сахар: добыча и технологии обработки пищи на Чукотке. *Сибирские исторические исследования*, 2: 143–161.

Иохельсон В.И. (2005) *Юкагиры и юкагиризированные тунгусы*. Новосибирск: Наука.

Козьмин В.А. (2003) *Оленеводческая культура народов Западной Сибири*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Латур Б. (2004) Где недостающая масса? Социология одной двери. *Неприкосновенный запас*, 2: 5–19.

Латур Б. (2020) *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Левин М.Н., Чебоксаров Н.Н. (1955) Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. *Советская этнография*, 4: 3–17.

Лефевр А. (2015) *Производство пространства*. М.: Strelka Press.

Никитина С.Е. (ред.) (2012) *Жиганский улус: история, культура, фольклор*. Якутск: Бичик.

Селезнева И.А., Селезнев А.Г. (2001) Рыболовство коренного населения Тарско-Иртышского бассейна (по материалам поселений тарских татар). *Этнографическое обозрение*, 6: 48–66.

Сирина А. А. (2012) *Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение*. М.: Восточная литература.

Слепцова Н.И., Сивцева Л.Е., Сорокин В.Н., Федорова А.С., Матвеев А.Ф., Матвеева С.А., Харбаева А.И. (ред.) (2017) *Жиганск сквозь столетия*. Владивосток: Дальпресс.

Степанова О.Б. (2020) Селькупские маньщики: происхождение, изготовление, использование. *Кунсткамера*, 2(8): 212–220.

Туголуков В.А. (1969) *Следопыты верхом на оленях*. М.: Наука.

Туголуков В.А. (1979) *Кто вы, юкагиры?* М.: Наука.

Хороших П.П. (1950) Путевые знаки эвенков-охотников (из материалов по этнографии эвенков реки Нижней Тунгуски). *Краткие сообщения Института этнографии*, 10: 57–60.

Цзин А.Л. (2017) *Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Anderson D.G. (2000) *Identity and ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade*. Oxford: Oxford University Press.

Bateson G. (1973) *Steps to an Ecology of Mind*. L.: Fontana.

Brandišauskas D. (2019) *Leaving Footprint in the Taiga. Luck, Spirits and Ambivalence among the Siberian Orochen Reindeer Herders and Hunters*. N.Y.; Oxford: Berghahn.

Davydov V.N. (2011) *People on the Move: Development Projects and the Use of Space by Northern Baikal Reindeer Herders, Hunters and Fishermen*. Thesis for the degree of PhD. Aberdeen.

Davydov V.N. (2017) Temporality of Movements in the North. *Sibirica*, 16(3): 14–34.

Gill K. (2014) In conversation with Tim Ingold. *Journal of Landscape Architecture*, 9(2): 50–53.

Ingold T. (2007) Materials against materiality. *Archaeological Dialogues*, 14(1): 1–16.

Ingold T. (2018) One World Anthropology. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 8 (1/2): 158–171.

Ingold T. (2011) *The Perception of the Environment*. L.; N.Y.: Routledge.

Ingold T. (1993) The Temporality of the Landscape. *World Archaeology*, 2: 152–174.

Ingold T. (2013) *Making: Anthropology, Archaeology, Art and Architecture*. L.; N.Y.: Routledge.

Lefebvre H. (2004) *Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life*. L.: Continuum.

Stepanoff C., Marchina C., Fossier C., Bureau N. (2017) Animal Autonomy and Intermitent Coexistences. *Current Anthropology*, 58: 57–81.

Tilley C. (1994) *A Phenomenology of Landscape — Place Paths and Monuments*. Oxford; Providence: Berg.

Ventsel A. (2006) Hunter-herder continuum in Anabarski district, NW Sakha, Siberia, Russian Federation. *Nomadic Peoples*, 10 (2): 68–86.

Willerslev R. (2007) *Soul Hunters: Hunting, Animism, and Personhood Among the Siberian Yukagirs*. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press.

Источники

ПМА 2018 — Полевые материалы автора. Экспедиция в поселок Жиганск, Жиганский улус, Республика Саха (Якутия). Июль 2018 г. Полевой дневник.

В Жиганске прошел фестиваль «Путина Заполярья» (2014). *Глава Республики Саха (Якутия)* [<https://glava.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2268548>] (дата обращения: 05.12.2020).

Клевая рыбалка/Hot fishing (2018) Ловля ряпушки в день массового пришествия! Yakutia. *Youtube* [<https://www.youtube.com/watch?v=0CJLdCDgLSo&t=300s>] (дата обращения: 04.12.2020).

Охота и рыбалка в Якутии (2017) Ловля ряпушки в Жиганском улусе. Вып. 94. Эфир от 06.12.11. *Youtube* [<https://www.youtube.com/watch?v=ldDu8LMWgiM&t=150s>] (дата обращения: 01.12.2020).

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года. (2018). М.: Росстат.

Немного о величии (2010). Репортаж с берегов Лены. *The New Times. Новое время* [<https://newtimes.ru/articles/detail/29611>] (дата обращения: 14.11.2020).

**“DENSIFICATIONS” OF SPACE IN THE PROCESS
OF GATHERING, FISHING AND HUNTING:
ON THE EXAMPLE OF ZHIGANSK VILLAGE,
REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)**

Nikolai Goncharov (Nikola.gon4arov@yandex.ru)

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian
Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Citation: Goncharov N. (2021) «Sgushcheniya» prostranstva v protsesse sobirateľ'stva, rybolovstva i okhoty: na primere sela Zhigansk, Respublika Sakha (Yakutiya). [“Densifications” of space in the process of gathering, fishing and hunting: on the example of Zhigansk village, Republic of Sakha (Yakutia)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(2): 181–211 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.7>

Abstract. In this article, based on field materials collected by the author during an expedition to the Zhigansk village of the Republic of Sakha (Yakutia) in 2018, the aspects of space transformation related to the implementation of economic activities are analyzed. The village is located beyond the Arctic Circle on the left bank of the Lena River. Hunting, fishing and gathering at the present time still retain an important status in the structure of the local occupations, which is due to the location of the settlement and the socio-cultural characteristics of its inhabitants. Being important components in food and economic relations, these practices are at the same time special ways of interacting with space. The author, drawing on materials on anthropology, ethnography and philosophy, relying on the theoretical developments of A. Lefebvre and T. Ingold, makes an attempt to conceptualize ethnographic observations. The starting point of the study is the division into “natural” (primary) and “social” (secondary) spaces. In the process of human activity, there is a “thickening” and “condensation” of many actors of social space, which occurs in the natural environment and is accompanied by the formation of a single communicative-activity field, in which intentionality and thinking is possessed not only by a person, but by the entire formed bundle of activity components. In that case differentiation into “natural” and “social” disappear. The author suggests to supplement the static models of economic and cultural types that miss the temporal and some spatial aspects. As a conceptual solution he proposes morphological consideration of activity in the form of alternation of densification of elements including their connections around temporary centers — and the subsequent dispersal of the resulting densities.

Keywords: Yakutia, Zhigansk, hunting, fishing, gathering, space, densification, activity.

References

Anderson D.G. (2000) *Identity and ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade*. Oxford: Oxford University Press.

Arzyutov D.V. (2020) Prirucheniiie energii v nenetskih tundrah: okruzhaiuschaia sreda i tehnologii na rossiiskom Severe [Taming Energy in the Nenets Tundra: Environment and Technologies in the Russian North]. In: Davydov V.N. (ed.) *Energija Arktiki i Sibiri: ispol'zovaniie resursov v kontekste social'no-ekonomicheskikh izmenenii* [The energy of the Arctic and Siberia: the use of resources in the context of socio-economic changes]. Moscow: Izd-vo vost. lit.: 114–142 (in print) (in Russian).

Arzyutov D.V., Okotetto H.H. (2018) Sviazyvaia veschi, zhitovnyh i ludei: k social'noi topologii nenetskih uzlov [Linking things, animals and people: towards the social topology of the Nenets knots]. In: Fedorova N.V. (ed.) *Arkheologiya Arktiki* [Arctic archaeology]. Vol. 5. Omsk: Omskblankizdat: 89–106 (in Russian).

Bateson G. (1973) *Steps to an Ecology of Mind*. London: Fontana.

Bogoraz V.G. (1991) *Material'naiia kul'tura chukchei* [Material culture of the Chukchi]. Moscow: Nauka (in Russian).

Brandišauskas D. (2019) *Leaving Footprint in the Taiga. Luck, Spirits and Ambivalence among the Siberian Orochen Reindeer Herders and Hunters*. New York; Oxford: Berghahn.

Davydov V.N. (2011) *People on the Move: Development Projects and the Use of Space by Northern Baikal Reindeer Herders, Hunters and Fishermen*. Thesis for the degree of PhD. Aberdeen.

Davydov V.N. (2017) Temporality of Movements in the North. *Sibirica*, 16(3): 14–34.

Davydov V.N. (2018a) Mobil'nost' kak reflektivnyi i kreativnyi process: ispol'zovaniie infrastruktury evenkami Vostochnoi Sibiri [Mobility as a reflexive and creative process: the use of infrastructure by the evenks of Eastern Siberia]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural historical journal], 3(60): 24–30 (in Russian).

Davydov V.N. (2018b) Strategii ispol'zovaniia prostranstva i rezhimy avtonomnosti: otnosheniia evenkov i gosudarstva na Severnom Baikale [Strategies for using space and modes of autonomy: relations between the Evenks and the state on North Baikal]. *Etnografiia* [Ethnografia], 2: 46–66 (in Russian).

Davydov V.N., Simonova V.V., Sem T.I., Brandišauskas D. (2016) *Ogon', voda, veter i kamen' v evenkiiskikh landshaftah. Otnosheniia cheloveka i prirody v Baikalskoi Sibiri* [Fire, water, wind and stone in Evenk landscapes. Relations between man and nature in Baikal Siberia]. St. Petersburg: MAE RAN (in Russian).

Davydova E.A. (2019) Holodil'nik, sol' i sahar: dobycha i tehnologii obrabotki pishhi na Chukotke [Refrigerator, salt and sugar: technologies of getting and processing food in Chukotka]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* [Siberia Historical Research], 2: 143–161 (in Russian).

Gibson J. (1988) *Ekologicheskii podhod k zritel'nomu vospriятиiu* [The Ecological Approach to visual Perception]. Moscow: Progress (in Russian).

Gill K. (2014) In conversation with Tim Ingold. *Journal of Landscape Architecture*, 9(2): 50–53.

Golovnev A.V. (2018) Kochevnikii Arktiki: iskusstvo dvizheniia [Arctic nomads: the art of movement]. *Etnografiia* [Ethnografia], 2: 6–45 (in Russian).

Golovnev A.V., Kukanov D.A., Perevalova E.V. (2018) *Arktika: atlas kochevykh tehnologii* [Arctic: atlas of nomadic technologies]. St. Petersburg: MAE RAN (in Russian).

Gurvich I.S. (1977) *Kul'tura severnykh iakutov-olenevodov. K voprosu o pozdnykh etapah formirovaniia iakutskogo naroda* [The culture of the northern Yakut reindeer herders.

On the issue of the late stages of the formation of the Yakut people]. Moscow: Nauka (in Russian).

Ingold T. (1993) The Temporality of the Landscape. *World Archaeology*, 2: 152–174.

Ingold T. (2007) Materials against materiality. *Archaeological Dialogues*, 14(1): 1–16.

Ingold T. (2011) *The Perception of the Environment*. London; New York: Routledge.

Ingold T. (2013) *Making: Anthropology, Archaeology, Art and Architecture*. London; New York: Routledge.

Ingold T. (2018) One World Anthropology. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 8 (1/2): 158–171.

Jochelson V.I. (2005) *Iukagiry i iukagirizirovannyie tungusy* [Yukaghirs and Yukagirized Tungus]. Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Khoroshikh P.P. (1950) Putevye znaki evenkov-ohotnikov (iz materialov po etnografii evenkov reki Nizhnei Tunguski) [Trail signs of the Evenks-hunters (from materials on the ethnography of the Evenks of the Nizhnyaya Tunguska River)]. *Kratkie soobshheniia Instituta etnografii* [Brief reports of the Institute of Ethnography], 10: 57–60 (in Russian).

Kozmin V.A. (2003) *Olenevodcheskaia kul'tura narodov Zapadnoi Sibiri* [Reindeer breeding culture of the peoples of Western Siberia]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta (in Russian).

Latour B. (2004) Gde nedostaiushhaia massa? Sotsiologiya odnoi dveri [Where are the missing masses? The sociology of a few mundane artifacts]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency ration], 2: 5–19 (in Russian).

Latour B. (2020) *Peresboraka sotsial'nogo: vvedeniie v aktorno-setevuiu teoriuu* [Reassembling the social. An introduction to actor-network-theory]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki (in Russian).

Lefebvre A. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space]. Moscow: Strelka Press (in Russian).

Lefebvre H. (2004) *Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life*. London: Continuum.

Levin M.N., Cheboksarov N.N. (1955) Hoziajstvenno-kul'turnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti [Economic and cultural types and historical and ethnographic areas]. *Sovetskaia etnografiia* [Sovetskaia etnografiia], 4: 3–17 (in Russian).

Nikitina S.E. (red.) (2012) *Zhiganskii ulus: istoriia, kul'tura, fol'klor* [Zhigansk region: history, culture, folklore]. Irkutsk: Bichik (in Russian).

Selezneva I.A., Seleznev A.G. (2001) Rybolovstvo korenного naseleniia Tarsko-Irtyshskogo basseina (po materialam poselenii tarskih tatar) [Fishing of the indigenous population of the Tara-Irtysh basin (based on materials from the settlements of the Tara Tatars)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Etnograficheskoe obozrenie], 6: 48–66 (in Russian).

Sirina A.A. (2012) *Evenki i eveny v sovremennom mire: samosoznanie, prirodopol'zovanie, mirovozzrenie* [Evenks and Evens in the modern world: self-awareness, nature management, worldview]. Moscow: Vostochnaya literature (in Russian).

Stepanoff C., Marchina C., Fossier C., Bureau N. (2017) Animal Autonomy and Intermittent Coexistences. *Current Anthropology*, 58: 57–81.

Stepanova O.B. (2020) Sel'kupskie man'shhiki: proishozhdenie, izgotovlenie, ispol'zovanie [Selkup manshchiks: origin, manufacture, use]. *Kunstkamera*, 2(8): 212–220 (in Russian).

Tilley C. (1994) *A Phenomenology of Landscape — Place Paths and Monuments*. Oxford; Providence: Berg.

Tugolukov V.A. (1969) *Sledopyty verhom na olenjah* [Reindeer Riding Pathfinders]. Moscow: Nauka (in Russian).

Tugolukov V.A. (1979) *Kto vy, iukagiry?* [Who are you, Yukaghirs?] Moscow: Nauka (in Russian).

Vasilevich G. M. (1969) Evenki. *Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII — nachalo XX v.)* [Evenki. Historical-ethnographical essays (18th century – early 20th century)]. Leningrad: Nauka (in Russian).

Ventsel A. (2006) Hunter-herder continuum in Anabarski district, NW Sakha, Siberia, Russian Federation. *Nomadic Peoples*, 10(2): 68–86.

Willerslev R. (2007) *Soul Hunters: Hunting, Animism, and Personhood Among the Siberian Yukaghirs*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

Tszin A.L. (2017) *Grib na kraiu sveta. O vozmozhnosti zhizni na ruinah kapitalizma* [The mushroom at the end of the world: on the possibility of life in capitalist ruins]. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).